

РАСПАВШИЙСЯ НАРРАТИВ: ПОСТИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС О НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ В РОССИИ

Шишков В.В., Хорошев С.В.¹

Аннотация.

Цель статьи – проанализировать концептуализацию развития нации и национального государства в России в современных исследованиях. **Теоретико-методологической основой** исследования выступает конструктивистский подход к пониманию нации и национального государства. Кроме того, в связи с тем, что имперское прошлое имеет определяющее значение для развития национальной государственности, в статье использованы актуальные результаты исследований империй и работ, выполненных в рамках постколониального дискурса.

Предполагается, что процесс национально-государственного развития исторической России не завершен, в связи с чем он характеризуется как распавшийся нарратив. Российская империя реализовывала проект национального строительства – создание большой русской нации, в статье данный процесс рассматривается с точки зрения конструктивизма. С другой стороны, проанализирована позиция, представленная в рамках пост-колониального дискурса, согласно которой государственно-национальное развитие России представляет собой процесс внутренней колонизации (А. Эткинд). Исследованы эвристический потенциал и проблематичность рассмотрения отечественного национального строительства и российской государственности в постколониальном дискурсе.

В заключение обобщаются результаты исследования. Указывается на недостаточность теоретического базиса современного национального развития России. Кроме того, представляется необходимым дальнейшее исследование путей консолидации социально-политического центра российского общества на основе исторического и культурного наследия.

Ключевые слова: нация, национальное государство, Российская Федерация, Российская империя, конструктивизм, инструментализм, постколониальный дискурс.

Шишков Василий Валерьевич – кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт права и национальной безопасности, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и естественно-научных дисциплин, адрес: 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д.82, стр. 1, e-mail: fh55@mail.ru

Хорошев Сергей Валерьевич – старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт общественных наук, кафедра гуманитарных дисциплин, адрес: 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д.82, стр. 1, e-mail: 20dekabr@mail.ru

**DISINTEGRATED NARRATIVE: POST-IMPERIAL DISCOURSE
ABOUT THE NATIONAL STATE IN RUSSIA**

SHISHKOV V.V. – Candidate of Political Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian, Economic and Natural Science, Institute of Law and National Security - RANEPА (Russian Federation, Moscow), e-mail: fh55@mail.ru

KHOROSHEV S.V. – Senior Lecturer of the Department of Humanities, Institute of Social Sciences – RANEPА (Russian Federation, Moscow), e-mail: 20dekabr@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to analyze the conceptualization of the development of the nation and national state in Russia in modern research. The theoretical and methodological basis of the study is a constructivist approach to understanding the nation and the national state. In addition, due to the fact that the imperial past is of decisive importance for the development of national statehood, the article uses the actual results of research on empires and works carried out within the framework of postcolonial discourse.

It is assumed that the process of the national-state development of historical Russia is not completed, in connection with which it is characterized as a disintegrated narrative. The Russian Empire was implementing a nation-building project - the creation of a large Russian nation, in the article this process is considered from the point of view of constructivism. On the other hand, the article analyzes the position presented in the framework of the postcolonial discourse, according to which the state-national development of Russia is a process of internal colonization (A. Etkind). The heuristic potential and the problematic nature of the consideration of domestic nation-building and Russian statehood in postcolonial discourse are examined.

The conclusion summarizes the results of the study. The author points out the inadequacy of the theoretical basis for the modern national development of Russia. In addition, it is necessary to further study the ways to consolidate the socio-political center of Russian society on the basis of the historical and cultural heritage.

Keywords: nation, national state, Russian Federation, Russian Empire, constructivism, instrumentalism, postcolonial discourse.

Введение.

Национальное государство занимает исключительное место среди типов политической организации общества. Национальное строительство, гарантируя фундаментальную легитимность политической системы, обеспечивает демократическое развитие и единство национального социума, его культурно-политическую целостность и однородность при равенстве формальных статусов его граждан. Выражение потребностей нации посредством национального интереса имеет оп-

ределяющее значение для реализации государством суверенной внутренней и внешней политики.

Представляется, что нацию, национализм и национальное государство можно охарактеризовать в качестве метанарративов современной политики. Несмотря на постмодернистскую критику и попытки деконструкции, данные «большие повествования» остаются востребованными идеологемами социального и политического развития, все так же демонстрируя свой мобилизующий потенциал. Нация и национальное государство, переживая кризисы и войны, сохраняют свою эффективность, свойственную им в эпоху модерна.

Модернизационные процессы тесно связали развитие национальной государственности с империей. Многие имперские центры институционализировались в качестве национальных государств. Передовые национальные государства формировались в имперских метрополиях, а затем национальные движения охватили периферии, что стало предвестием распада имперских государств. Для России актуальны оба этих политических процесса, при том что процесс нациостроительства так и не завершен, почему о нем и можно говорить как о распавшемся нарративе. Российская государственность имеет опыт строительства одной из ведущих империй, создания СССР – интернационалистского государства с поддержкой периферийного национализма и, наконец, современного политического развития. При этом важное значение для России представляет политика в отношении бывших имперских окраин, ныне независимых государств, принципы которой окончательно не определены.

Российская Федерация, несмотря на то что прошло почти тридцать лет со времени обретения государственной независимости, по-прежнему избегает политического позиционирования в качестве национального государства. Хотя термины «национальные интересы», «национальная безопасность», «национальные проекты» и тому подобные используются в государственных документах, они указаны вне контекста национального государства, поэтому они выглядят недостаточно определенными, а содержание понятий «национальное развитие», «национальная политика» далеко от национально-государственного строительства (nation-building).

Изменения к Конституции 2020 года оказались связаны и с уточнением субъектности российской политики. Помимо «многонационального народа Российской Федерации» в текст Конституции оказались включены такие понятия, как «государствообразующий народ», «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», а также «коренные малочисленные народы». Так оказался обойденным вопрос о нации как основе российской государственности и политики, субъекте, определяющем направленность их развития.

В настоящей статье речь будет идти о теоретических вопросах взаимосвязи концептов государства, империи и нации. Статья представляет собой попытку

проанализировать концептуализацию развития нации и национального государства в России в современных исследованиях с учетом актуальной социально-политической повестки.

Национальное развитие России как методологическая проблема

Причем, как представляется, особенности отечественного государственного развития, революционного перехода от империи к социалистическому государству, а затем к современной российской государственности, которая в свою очередь стремительно меняется на наших глазах, имеют принципиальное значение для понимания рассматриваемой проблемы. Данное положение можно представить в качестве рабочей гипотезы настоящего исследования.

Методология исследования основывается на теории нации и национализма в ее конструктивистском изложении. Ведущие исследователи-конструктивисты, такие как Г. Кон, Э. Геллнер, М. Хрох, Э. Хобсбаум, Б. Андерсен, К. Калхун и другие, заложили современные основы представления о нации как о продукте модернизационного развития. Конструктивизм сам является модернистским направлением исследований и рассматривает нацию не как извечную общность людей, а как результат и продукт современного развития, приведшего к развитию таких территориально-политических общностей, как нации. Существенно, что конструктивизм, несмотря на наличие общих черт и представлений о происхождении нации, имеет и ряд различий.

Так, Э. Геллнер исходил из представлений о нации как об опосредованном результате индустриального развития, требующего системы образования и формирования «высокой культуры», в которых, в свою очередь, закладываются основы национального самосознания. Можно сказать, что нация, по Э. Геллнеру, фабрикуется.

Б. Андерсен представляет более сложную картину зарождения национализма – это результат формирующегося дискурса интеллектуалов и чиновников, быстро распространяемый в эпоху печатного капитализма и воспринимаемый широкими слоями в условиях идейного кризиса, связанного с секуляризацией. Национализм представляется в качестве своего рода новой религии, а нация сначала воображается, конструируется и уже потом обеспечивает современную презентацию индивида и общности.

Еще одним принципиальным различием подходов в конструктивистской парадигме является подразделение национализма на этнический и гражданский. С идеей о таких видах национализма выступил один из основоположников конструктивизма Г. Кон. Тем не менее в современном радикальном ответвлении от конструктивизма – инструментализме такой подход подвергается критике. Так, Р. Брубейкер показывает, что категории «этнический» и «гражданский» применительно к национализму оказываются слишком широкими. Более того, и тот и дру-

гой национализм является и включающим, и исключаящим¹. С точки зрения исследователя, более существенны критерии включения и исключения. Также хотелось бы отметить, что Э. Хобсбаум, рассматривая этнический и гражданский национализм, представил свое оригинальное их подразделение². Гражданский национализм – это западноевропейский национализм, возникший и формирующийся в ведущих государствах – имперских метрополиях. Этнический национализм, сепаратистский в своей основе, характерен для восточноевропейских стран, государств, возникших на обломках империй в начале XX века. Такие государства, чтобы состояться, использовали этнический принцип для формирования своей национальной основы. Этнический принцип, как отмечал Э. Хобсбаум, вновь востребован в Восточной Европе в постсоветский период.

В случае России конструктивистский подход не может не представить объяснения, почему модернизация не привела к формированию национального государства. При этом обратим внимание, что модернизация проводилась в несколько этапов и в различных формах. Советский период также можно рассматривать в рамках модернизационной парадигмы, ему присущи секуляризация, индустриализация и идея равенства. Тем не менее проблема не получила своего достаточного освещения. Особенно это заметно в связи с анализом развития наций и империй.

В теории нации и национализма особое место занимает анализ взаимосвязи развития империй и наций³. Имперское прошлое имеет определяющее значение для развития национализма в центре и на перифериях государств-империй.

Исследования империй в последние десятилетия концентрируются на структурной оппозиции «центр – периферия» в имперской политике, в которой центр реализует свое господство преимущественно опосредованным правлением. Во многом такое видение империи было сформировано в 1980–90-х годах в исследованиях М. Дойла, Ч. Тилли, А. Мотыля. При этом данный подход дополняется представлениями о неоднородности и иерархичности имперской государственности, что находит выражение в работах Ю. Остерхаммеля, Р. Суни, Д. Ливена, Дж. Брубэнк, Ф. Купера и других исследователей⁴. Отметим, что для отечественных ученых в этот период характерен другой, идеократический взгляд на империю (О.Б. Подвинцев, Г.П. Федотов, А.Ф. Филиппов, И.Г. Яковенко).

Исследования имперской политики в отношении этнически неоднородных перифе-

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с. – С. 246–256.

² Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002. – С. 332–346.

³ Шишков В.В. Империя в представлении теории нации и национализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 48. – С. 163–172.

⁴ См. одни из последних: Darwin J. The empire project: the rise and fall of the british world-system, 1830–1970. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – xiii. 800 p.; Kumar K. Visions of empire: how five imperial regimes shaped the world. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – xviii, 576 p.

рий приводили к выводам о том, что противодействие имперскому правлению и в определенной мере стремление к подражанию империям как передовым государствам своего времени обусловили формирование наций и национальной государственности как противоположности империи¹. Национальное государство представлялось как следующий за империей этап политического развития.

Тем не менее в современных исследованиях концептуальные границы между империей и национальным государством все более размываются. Происходит это во многом благодаря полученным результатам изучения национальной консолидации имперских центров. Эти результаты, представленные, например, в сборнике «Nationalizing empires» (2015) под редакцией С. Бергера и А. Миллера, позволяют говорить о том, что империя выступает своего рода драйвером национализма, который рассматривался как важное конкурентное преимущество в соперничестве с другими имперскими государствами.

Проблематика современных исследований империй и формирования нации позволяет лучше представить особенности национального развития в исторической России, которая являлась одним из ведущих имперских государств. Благодаря представленным в исследованиях последних лет выводам мы имеем возможность более полно проанализировать причины, по которым становление нации в масштабах российского государства так и не состоялось. Тем не менее представления об актуальной политической проблеме, заявленной в настоящей статье, останутся неполными без еще одного методологического элемента – постколониальных исследований.

В постколониальных исследованиях и аналогичных дискурсах были подняты вопросы широкой проблематики, связанные с преодолением и приспособлением имперского наследия в жизни бывших колоний, в том числе их национальному развитию (Х. Бхабха, Э. Саид, Г. Спивак, Ф. Фанон). Одной из основных проблем, рассматриваемых в рамках данного направления, стала ответственность бывших имперских метрополий по отношению к постколониальным обществам. В значительной степени следствием такого подхода стал концепт мультикультурализма, применяемый в современной политике европейских государств.

Постколониальные дискурсивные практики уже используются против России в войнах памяти, которые развязываются бывшими советскими республиками и восточноевропейскими странами, входившими в социалистический лагерь. При этом, как представляется, значение постколониальных исследований и дискурса не исчерпывается приданием благопристойности русофобии. Проблема видится и в том, что российское общество, не имея единой национальной идентичности, выглядит потерянными в дихотомиях, предлагаемых современным постколониальным дискурсом (на-

¹ См., например, Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М., 2005. – С. 395-435.; Rieber A. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early Modern empires to the end of the First World War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – x, 617 p.

пример, Запад – Восток, колонизатор – колонизируемый). Во многом с этим связана нередко имеющая место неубедительность позиции России в войнах памяти. В этой же проблематике может быть сформулирован вопрос о перспективах национального развития в России: состоится ли обретение нации как наследия бывшей имперской метрополии или ей будет присущ выраженный колониальный (периферийный) характер?

Для дальнейшего анализа проблемы необходимо рассмотреть ее исторический контекст.

Империя и нация в постколониальном дискурсе

Российская империя, несмотря на свое континентальное расположение, не позволяющее, казалось бы, четко отграничить метрополию от периферии, реализовывала свой проект национального строительства – создание большой русской нации, охватывающей великороссов, малороссов и белорусов. Такое видение национального развития было присуще последним правителям империи, представителям высшей имперской бюрократии и ряду общественных деятелей.

А.И. Миллер рассматривает время такого оформления имперской политики в своем исследовании «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)» (2000). Национальный вопрос в Российской империи исследуется через столкновение двух проектов национального строительства – русского и украинского. Важно отметить осознанность высшей имперской бюрократией «украинского вопроса» в русле национальной проблематики, что определило резкость реакции на него.

Тем не менее в полной мере русификаторская политика не была реализована даже на Украине, что было связано с трудностями модернизации в Российской империи, в том числе в сфере образования. Поэтому исследователь пессимистически оценивает перспективы проекта большой русской нации, реализовываемого Российской империей, и ее ассимиляторские усилия. Несмотря на эти обстоятельства, представляется возможным отметить, что имперская политика конца XIX – начала XX века дала определенные результаты. Так, в период Первой мировой войны противостояние Германии воспринималось как общерусское¹. Если на периферии «русификаторские» успехи были ограничены, то в центральной части империи нация была близка к окончательному оформлению.

В современной социально-гуманитарной литературе представлен и другой взгляд на национальное строительство в Российской империи. Так, А. Эткинд в своей работе «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» (2013) предпринял попытку соединить достаточно традиционный взгляд на Россию как на «страну, которая колонизируется», с постколониальным дискурсом в изложении Э. Саида. Основной тезис авто-

¹ Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquiuma). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 202-215. – С. 209-210.

ра состоит в том, что самоколонизация – это основное содержание развития России, в том числе и национального.

В содержании работы можно выделить две стороны – историческую и литературоведческую. Историческая составляющая вызвала ряд критических отзывов, например о якобы присущем России сырьевом характере экономики¹. Литературоведческая сторона работы вызвала меньший интерес, хотя в ней наиболее наглядно раскрываются основной тезис и оригинальная методология автора. Последняя, отметим, также стала объектом критики, но уже другого рода. Д. Уффельманн приводит ряд рецензий, в которых автор «Внутренней колонизации» обвиняется в том, что он насаждает националистический миф, заслоняя тему этнических меньшинств; излишне ярко показывает один аспект, чтобы скрыть проблему внешней российской колонизаторской экспансии, с которой связано нарушение прав других государств, и игнорирует ее жертвы; более того, украинские историки обвинили А. Эткинда в том, что он является носителем российской имперской идеологии. Наконец, отметим: рецензенты сходны во мнении о том, что тема внутренней колонизации и, в частности, постколониальный дискурс уже востребованы радикальными националистами в России². Представляется, что такие опасения не оправданы, поскольку в России национальный вопрос неотделим от политики государства. По крайней мере, такое положение дел существует в настоящее время.

При всей неоднозначности дискурса о внутренней колонизации данная тема имеет значительный исследовательский потенциал в части понимания тех культурных ограничений, связанных с замещением и вытеснением национальных начал, которые тормозили реализацию проекта большой русской нации. Кроме того, внутренняя колонизация действительно имела место и в особенности это справедливо по отношению к советскому периоду.

Для проблематики империи и национального строительства в СССР знаковым стало исследование Т. Мартина «Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939» (2001, на русском – 2011), в котором автор показал, как за внешними проявлениями имперскости, такими как большая территория, концентрация власти, активная внешняя политика и то, что сейчас можно назвать геополитической субъектностью, находится антиимперское содержание. В такой «империи наоборот», реализующей политику позитивной дискриминации, возможности национального развития в историческом центре государства были радикально ограничены. Вернуться к вопросу о национальном развитии возникла необходимость уже в современном российском государстве.

¹ Киселев М.А. Как колонизируют историю. [Рец. на кн.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М., 2013.] // Историческая экспертиза. – 2014. – № 1. – С. 144–158.

² Уффельманн Д. Постколониальная теория как постколониальный национализм // Новое литературное обозрение. – № 161 (20). – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21973/#_ftn* (дата обращения – 09.10.2020).

**Концепты национально-государственного развития
современной России**

В постсоветской России было несколько попыток концептуализировать национальное строительство. Одну из наиболее теоретико-методологически основательных и последовательных разработок вопроса представил В.А. Тишков и его последователи¹. С точки зрения исследователя, представленной практически сразу после распада СССР, необходимо формирование новой российской нации, объединяющей все народы, проживающие на территории России. В.А. Тишков последовательно разграничивает этнический и гражданский национализм, отрицая этническую основу нации, особое внимание при этом уделяется русскому этносу.

По мнению ученого, проект российской нации носит инклюзивный и гражданский характер, а формирование нации на русской основе будет означать этничность и эксклюзивность такой общности, что создаст проблемы легитимации самого государства. Тем более что проект русской нации и национального государства потерпел крах в 1917 году вместе с Российской империей.

Надо сказать, что подход В.А. Тишкова неоднозначно и нередко критически воспринимался отечественными исследователями. Например, одним из последовательных критиков является А.И. Миллер, который полагает, что В.А. Тишков делает слишком далеко идущие выводы о российской нации. Анализ критики уже проводился, в том числе и самим автором². Представляется необходимым дополнительно рассмотреть ряд моментов. Концепция российской нации основывается на инструменталистском взгляде на нацию, при ее формировании можно использовать любые субстраты, главное – сохранить гражданский принцип, но, как уже было здесь отмечено, в рамках такого подхода различия между этническим и гражданским национализмом теряют смысл.

Здесь можно возразить, что «гражданский» в рассматриваемой концепции означает, скорее, государственный, что вновь обращает внимание на понимание нации как общности, полностью производной от политики. Данное суждение придает новую актуальность сравнению «русской нации» и «советского народа» как полностью искусственных общностей, поддержание которых зависит от воли государства. Такие мнения звучали при обсуждении проекта закона о государственной национальной политике (2017). Также необходимо отметить, что теории современного конструкти-

¹ См. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 542 с.; Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra – май-июнь 2007 года – С. 21-41.; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 649 с.

² См.: Согрин В.В. Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В.А. Тишкова) // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 117– 125; Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 558– 601.

визма не столь радикальны. Например, когда Б. Андерсен говорит о нации как о воображаемом сообществе, он имеет в виду вполне определенную характеристику, не отрицая, а, скорее, подчеркивая факторы и обстоятельства, обеспечивающие национальное единство¹. Проект «российской нации» крайне ограничен в культурных, исторических и социальных предпосылках для «воображения» данной общности.

Кроме того, В.А. Тишков в качестве примера национального государства, соответствующего его представлениям о государственно-гражданском национализме, приводит Великобританию, которой удалось сочетать разные этносы в единой нации и государстве. Сегодня мы можем видеть, что проблема шотландского сепаратистского национализма является одной из наиболее существенных во внутренней политике островного государства. Отметим, что Шотландия всего лишь автономия в унитарном государстве. Вопрос о последствиях такого подхода в федеративном государстве, более конкретно в России, является скорее риторическим.

Другой подход к решению проблемы построения национального государства представлен в работах С.И. Каспэ. Следует отметить, что автор последовательно применяет методологию структурно-функционального анализа, опираясь преимущественно на Э. Шилза с его апологией роли центра в политике. Данная методология позволила автору представить и обосновать нетривиальные выводы при исследовании империи как формы и метафоры политики. В работе «Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай» (2012) структурно-функциональный анализ был применен к рассмотрению проблем национального строительства.

Представляется, что обращение к вопросам нации закономерно, поскольку современная национальная государственность определяется предшествующим положением страны в имперских координатах центра – периферии. Российский случай оказывается не столь однозначным.

С.И. Каспе, следуя выбранной методологии, рассматривает нацию как сообщество, основанное на некоем ценностном фундаменте, наличие которого является необходимым условием легитимации нации в собственном представлении. Ценностная основа обеспечивает политическую мобилизацию, энергия которой направлена на формирование национальной институциональной системы.

Ценностное ядро, формируемое из исторических и ситуативных элементов, объясняет смысл и задает цели национальной консолидации. Национальные институты вторичны по отношению к национальным ценностям, их конфигурация строго функциональна². Таким образом, принципиальное значение имеет способность нации объяснить самой себе смысл национальной консолидации.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2002. – 288 с. – С. 31-32.

² Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. – М: РОССПЭН, 2012. – 190 с. – С. 59-60.

По мнению исследователя, в российском случае потребность в указанной легитимации не отрефлексирована крайне атомизированным обществом. Государство же прямо избегает такой постановки проблемы, его признание обществом не имеет характера национальной легитимации, а имеет характер прагматического, но не морального блага. Представленная последовательность рассуждений является одним из наиболее впечатляющих мест в исследовании, демонстрирующим успешность выбранного автором подхода к анализу «национального вопроса» и российской политике.

Примечательно, что прагматизм российского политического класса, его декларируемая заинтересованность в стабильности, легитимном правлении и формировании «вертикали власти» не имели своим следствием запуск государственного национального проекта. Притом что процесс национальной легитимации государственной власти отработан на уровне политической технологии, в том числе на постсоветском пространстве.

Тем не менее только за последние годы возможности национального дискурса при мобилизации в общероссийском масштабе были последовательно проигнорированы государством в 2014 году, на фоне событий на Украине, в Крыму, войны на Донбассе и в 2020 году, при масштабном изменении Конституции. Данные примеры демонстрируют проблемность реализации государством политики в формате общенационального нарратива даже в тех случаях, когда такой подход выглядит безальтернативным.

Обратимся к анализу представленных С.И. Каспэ контуров национального проектирования. Государство, политические партии, интеллигенция и бизнес в российских социально-политических реалиях оказываются негодными субъектами для национального строительства. Единственным институтом, способным к формированию национального ценностного ядра, оказывается Церковь – РПЦ. По мнению исследователя, Церковь обладает принципиальными преимуществами для синтеза ценностного ядра нации. Речь идет о ее способности к универсалистичному взгляду на ценности, то есть о восприятии ценностей как таковых, а не в качестве целей. Другим обстоятельством выступает необходимость ценностного самоопределения на основе выбора одних ценностей и отказа от других. Здесь важное значение имеет способность Церкви к убедительному отграничению «советского» при обращении к недавнему прошлому России.

Представляется, что при обсуждении потенциала Церкви как точки сборки нации необходимо учитывать ряд ограничений. Так, универсалистичность имеет своей обратной стороной универсальность, которая несовместима с идеей нации и национализмом как своего рода светской религией. Также обратим внимание на то, что Церковь востребована в качестве субъекта нациостроительства только после того, как все остальные социально-политические институты отброшены за негодностью. Иными словами, при условии суррогатности политических субъектов Церковь сама

представляется в качестве эрзац-субъекта nation-building. Кроме того, нельзя не отметить, что РПЦ зависима от государства, в целом следует его политике и ее общественно-политическая роль ограничена.

В качестве значимого исключения можно указать на то, что позиция РПЦ имела значение при обсуждении уже упомянутого закона о государственной национальной политике. Тем не менее данное обстоятельство не отменяет высказанных здесь аргументов, поскольку представляет собой лишь реакцию Церкви на инициативу государства.

С.И. Каспэ продолжает свои исследования, обратившись к проблематике этики и политической формы. Со своей стороны, нам представляется возможным подвести итоги концептуализации национального строительства в России.

Заключение

В Российской империи реализовывался проект «большой русской нации», который обеспечивал консолидацию центра в структурно-функциональном и пространственном отношении, его политическую презентацию в имперской политике. Данное обстоятельство делает бессмысленным дискурс о внутренней колонизации применительно к имперскому периоду. Национальное строительство выступало в качестве существенной составляющей модернизации государства и было вполне сравнимо с аналогичными процессами в континентальной Европе. Отметим, что такое имперское наследие, несмотря на свою актуальность, оказывается не востребовано в политических процессах и политическом дискурсе современной России. В этом плане показательна дискуссия между А.И. Миллером и В.А. Тишковым.

Конструкт «российской нации», представленный В.А. Тишковым и его последователями в радикальном инструменталистском изводе в значительной степени игнорирует теоретико-методологические разработки, сделанные в мейнстриме конструктивизма. Абсолютизация принципа гражданского национализма, отметим, проблемного в рамках выбранной методологии, ограничивает содержание понятия «нация» лишь формальным фактом «наличия паспорта». За пределами рассмотренного концепта оказывается не только ряд существенных признаков нации, которые анализируются в конструктивистских исследованиях, но и проблемы идентификации и самоидентификации, неразрешимые вне культурного и исторического контекста.

Представляется, что такое положение оказалось результатом практически полного исключения из теоретических построений имперского наследия исторической России. В этой связи следует говорить о том, что как раз проект «большой русской нации» вполне отвечал конструктивистскому подходу. Более того, можно ставить вопрос о том, существует ли разница между принципом примордиальной этничности, свойственным советскому периоду, и принципом гражданской нации В.А. Тишкова, ведь и в том и в другом случае идентичность в конечном счете предполагается определять по паспорту.

Проблема центра, исследуемая в работах С.И. Каспэ, представляется не менее

существенной для национального строительства. Особое значение ей придают характер и направленность современного постколониального дискурса, обращенного уже не столько против прошлого, сколько против современности, причем все чаще целью становится отечественная история и актуальная российская политика. В этих условиях обретение центра российского общества и политической системы в ценностном и институциональном смысле является значимой задачей общественно-политической и интеллектуальной деятельности. Тем не менее ответа на данный вопрос, несмотря на его очевидность, до сих пор нет, и, как показывает, проведенный анализ, нет актуальной теоретической основы восстановления метанарратива нации и национального государства в России.

Библиография/References:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2002. – 288 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
3. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 395–435.
4. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. – М.: РОССПЭН, 2012. – 190 с.
5. Киселев М.А. Колонизируют историю. Рецензия: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013 // Историческая экспертиза. – 2014. – №1. – С. 144–158.
6. Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 564 с.
7. Согрин В.В. Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В.А. Тишкова) // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 117–125;
8. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
9. Уффельманн Д. Постколониальная теория как постколониальный национализм // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 1. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21973/#_ftn* (дата обращения: 09.10.2020).
10. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Практикс, 2002. – С. 332–346.

11. Шишков В.В. Империя в представлении теории нации и национализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 48. – С. 163–172.

12. Darwin J. The empire project: the rise and fall of the british world-system, 1830–1970. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – XIII. 800 p.

13. Kumar K. Visions of empire: how five imperial regimes shaped the world. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – XVIII, 576 p.

14. Nationalizing empires / Ed. by Miller A., Berger S. – Budapest; N.Y.: CEU press, 2015. – VIII, 691 p.

15. Rieber A. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early Modern empires to the end of the First World War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – X, 617 p.

1. Anderson, B. (2002) Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. – M.: Kuchkovo pole. – 288 p. (In Russ.)

2. Brubeiker, R. (2012) Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 408 p. (In Russ.)

3. Kappeler, A. (2005) Obrazovanie natsii i natsional'nye dvizheniia v Rossiiskoi imperii [Formation of nations and national movements in the Russian Empire] // Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years]. – M.: Novoe izdatel'stvo. – P. 395–435. (In Russ.)

4. Kaspe, S.I. (2012) Politicheskaia teologiya i nation-building: obshchie polozeniia, rossiiskii sluchai [Political theology and nation-building: general provisions, Russian case]. – M: ROSSPEN. – 190 p. (In Russ.)

5. Kiselev, M.A. (2014) Koloniziruiut istoriiu. Retsenziia: Etkind A. Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii. M.: NLO, 2013 [Colonize history. Review: Etkind A. Internal colonization. Imperial experience of Russia. M.: NLO, 2013] // Istoricheskaia ekspertiza [Historical Expertise]. – №1. – P. 144–158. (In Russ.)

6. Sanborn, Dzh. (1999) Besporiadki sredi prizyvnikov v 1914 g. i vopros o russkoi natsii: novyi vzgliad na problemu [Riots among conscripts in 1914 and the question of the Russian nation: a new look at the problem] // Rossiia i Pervaia mirovaia voina [Russia and the First World War]. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. – SPb.: Dmitrii Bulanin. – 564 p. (In Russ.)

7. Sogrin, V.V. (2011) Chto est' rossiiskaia natsiia i rossiiskii narod (Obobshchaiushchaia rabota V.A. Tishkova) [What is the Russian nation and the Russian people (Generalizing work of V.A. Tishkov)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]. – № 1. – P. 117–125. (In Russ.)

8. Tishkov, V.A. (2013) Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia [The Russian people: history and meaning of national identity]. – M.: Nauka. – 649 p. (In Russ.)

9. Uffel'mann, D. (2020) Postkolonial'naia teoriia kak postkolonial'nyi natsionalizm [Postcolonial theory as postcolonial nationalism] // Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]. – № 1. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21973/#_ftn* (data obrashcheniia: 09.10.2020). (In Russ.)

10. Khobsbaum, E. (2002) Printsip etnicheskoi prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoi Evrope [The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe] // Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. – M.: Praksis. – P. 332– 346. (In Russ.)

11. Shishkov, V.V. (2019) Imperiia v predstavlenii teorii natsii i natsionalizma [Empire in the view of the theory of nation and nationalism] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. – № 48. – P. 163– 172. (In Russ.)